

СОНЕТУ

I

Ужели бранный мир удержит от распада
В облатке тонких рифм – целительный глагол...
Вот – комедийный ритм, а в нём, и пуст, и гол, -
Поруганный мой храм развенчанного града.
Под плесенью стена – здесь образа утрата
И ближний круг, увы, - иссохший частокол, -
В нём обезличен пазл, немотствует щегол, -
В гортани сушь и стон, - цвела ли здесь лампада.

Безместен и горюч... возвышу прошлым взор.
Упругих форм ищу для немощного слова,
Устойчивых орбит, вдохнув от Света – свет.
На выдохе – гоню верлибры, словно сор,
Свободу обуздав, да воссияет снова
Над патиной веков блистательный сонет.

+ + +

II

Усилим - приближусь к тишине...
Что обретаю в ней, - ужели образ.
Под сердцем – шепчет незнакомый голос,
Нежданно пробудившийся во мне, -
Переполняет, словно в тонком сне
И умертвляет многоплодный колос.
Не вымолвить – но не падёт и волос.
И звук – растёт в пустотной глубине.

Как будто мною устье отворялось,
И слово неокрепнувшим птенцом
Из душной клетки выскользнуло к свету.
Как послесловие – осталась жалость...
Её доверю, оплеля венцом,
Вместительному, чуткому сонету.

+ + +

III

Как будто – выдох из безвольных уст,
И - пустота тревожная в теснине,
На век – веков распространится ныне,
В котором обездвижен, глуп и пуст.
Откуда эти скрежет, лязг и хруст
На гласы вопившего в пустыне.
Ты – догорал во тьме в какой долине,
Не купина, но лишь терновый куст.

Неужто этот вопль войдёт в обитель
Вратами, слишком тесными для рифм
И там – воспрянет никнувшее слово.
Пре-воплощённых смыслов тайнозритель,
Мой стих, как борт, нанизанный на риф,
Удержан от распада, дышит снова.

+ + +

IV

Удушливый катрен... как стойло без окна.
Удавки жёстких рифм безжалостны, как плети.
Стреноживает ямб в классическом сонете,
Три ноженьки – в одну связав у скакуна.
Надёжны шоры форм, - лишь колея видна,
Но весь я не умру, пропятым на терцете, -
Мой дух переживёт размер и ритмы эти,
Петраркианский стиль, как яд, впитав до дна...

Но вот исшёл... куда? В чаду князей воздушных
Кормила и ветрил не знает вольный стих.
Свобода – тра-та-та - что взрыв пустот печальна.
И нечему вместить пространство слов недужных, -
Самостоятельность развенчивает их,
Обезображенных, прекрасных изначально.

+ + +

V

В какой сосуд волью моё дыханье,
Утробное тепло на склоне лет,
Когда иссякнет ультрафиолет,
Созвездия утратят очертанья.
Твоё ли это, Господи, призванье
К словесной твари – несказанный свет.
Готовлю отклик – искренний сонет,
Его хрусталь шлифуя грань за гранью.

Преломлены, что копия, – лучи.
Густая влага дышит непритворно,
Содержит бытие легко, светло.
Для жизни новой... лучшей? Умолчи!
Сегодня слово красоте покорно,
Вместилось в это колкое стекло.

+ + +

VI

Иль Кто? – животворит. Здесь – буква умерщвляла,
А дерзкий слог – воспрял, - из небыли? от сна?
Из полноты глубин, где сердце – ложесна,
Дородный чернозём, но в нём пространства мало.
Слова о форму бьют – кремнями о кресало
И высекают стих, возгретый до красна, -
Ужели в нём соблазн, прехитрая блесна?
Всецедный светлый дар творенью от Начала?

Глаголющий, прими смирительный сосуд
Вместилищем для чувств и мысли филигранной,
Впусти в него себя и свой ничтожный след.
Стези твои, - как знать? – быть может, процветут,
На пажити скорбей в обители печальной,
Запечатлев собой мерцающий сонет.

+ + +

VII

Слова о форму бьют, - кремнями о кресало
И высекают стих, возгретый докрасна.
Воспламенится трут и цвета новизна.
Каменья воспоют и каменное зало.
Ничто не умолчит – молчанье не пристало.
Словесной твари – быть, предчувствуя сполна,
Как светом Красоты оттенена вина,
Как Словом – изошло всё то, что жизнью стало.

Как будто антифон – катрены: вдох и выдох.
Терцеты – оплели осмысленный венец
Вокруг честной главы, возвеселившей миг.
Случайный вспыхнул блик на стогнах неумытых, -
Залюбовался им возвышенный жилец...
Не распознал его увядший здесь язык.

+ + +

VIII

От унылой души – хоть поэзии клок...
Музу – в жёсткий корсет, в заточение стиля.
Замарашку в венке на порог не пустили, -
Здесь – танцуют и пьют, и снуют между строк.
Укротители рифм – каждый светел и строг, -
Не поднимется бровь на сырьё из утиля.
«Благозвучия Вас, cher ami, посетили? –
Так ступайте рыдать – в тот пустой закуток...»

Здесь – выласкивать плод. Здесь – воспитывать плач.
В невозможной глуши не искать оправданий.
Безызвестность, как пресс, уплотняет графит.
Душит ляпка стиха. Хоть помри, но – бурлачь
Против жуткой реки забытья, увяданий.
Стихо-творен алмаз, безыскусный на вид.

+ + +

IX

Благодатная осень... опавшие листья – слова
Выстилают сусалью ковры регулярного парка.
Отделяется песня от уст, - ей и душно и жарко, -
Как туман и росу её примут асфальт и трава.
Ожидая покоя, на плахе - светла голова.
Пленена красотой неуёмная муза – дикарка, -
Перед ней светло-радужных крон триумфальная арка, -
Не склонившись, войдётся ли... стихия не вечно права.

Чудотворная осень – и в ней нежно-пасмурный свет.
Златоструи дождя оживляют позёмы иконы.
Раскрывается рифма и метр в чередё облаков...
Так, под небом последнего дня воз-никает сонет
В чистоте неизбывной, из-вечной, исконной... искомой, -
Принимаю его, точно дар драгоценных оков.

+ + +

X

Играю словами... как будто, всерьёз.
Надежду питаю микстурой от смерти.
Смятенные чувства в немой круговерти
Сплетая стихами, во вне про-изнёс, -
Как чёрные меты по телу берёз
Пестрящие строфы – на волю из клетки.
Бумага ли стерпит мечты о сонете? –
Ни слышать, ни счесть их без приторных слёз.

Без милости кодекс. Высок приговор.
Святыню и бисер метал на потеху
Себе самому ли? Породистым псам?
Возьму черновик свой в глубокий затвор,
Да там – возгорится... - раскатится эхо,
Когда я над пеплом прильну к небесам.

+ + +

XI

Помнится осенью... луг первоцвета,
Строфы небесные цепью жемчужною
Превозносившие всхлипы недужные
В область бездонного Божьего лета.
Спелым июлием радость воспета...
Август сиятельный чувствует чуждую
И не торопится вспышкой послушною
Стать обрамлением славы сонета.

Буква – губительна в царственном слове.
Дух, превышающий фразы вместилище,
Чахнет, опутанный ветхим законом...
Но, коли выживет, властвует внове
Стих, коронованный в тесном узилище,
Свет сохраняющий в лике иконном.

+ + +

XII

Беда – на чисто выметенный дом...
Удержит разве душу от распада
Сонетом облачённая рулада,
Исполненная болью и стыдом.
Уже ли, словом Истины ведом, -
Бреду овцой несмысленного стада.
Затёртый лик - под патиной оклада,
Распознаётся скорбью и постом.

Биенье сердца? - Стихотворный ритм?
Дыханье Духа – или вдохновенье?
Искусство – умертвит ли бытие?
Иль осветлит его и озарит?
Как странный луч – прекрасное мгновенье,
Блестящее на смертном острие.

+ + +

XIII

Вызвалась на колоколазов
Бликами пылающая осень, -
У неё ли, царственной, попросим
Перезвона чистых голосов...
Фон у листопада бирюзов, -
Золото и киноварь возносим
Словом облакая... грянет оземь
Жар предивно смешанных лесов.

Но ещё – пчелою к лету льну
И, пыльцу последнюю встречая,
Вкладываю в сотканый сонет.
Песню бы воспеть ещё одну...
Воздыхая, воскресенья чаю
И впускаю в грудь холодный свет.

+ + +

XIV

Увенчан октябрь – и взорвана высь живой красотой, -
В её глубину, восторжен и нем, - вхожу изумлённо.
К моей пустоте – пылающий куст осеннего клёна, -
На нём пробуждён огонь Купины в долине святой.
На этой земле, стопы обнажив, осмысленно стой:
Порфиры столпов у свода небес, пурпурные кроны,
Крестчатых аллей восторженный строй раскрыт непритворно...
Невидимый храм себя проявил над этой верстой.

В пространстве таком - возвысить слова, молиться и – быть.
Ужели Отец мне камень подаст на вопли о Хлебе.
Прекрасен канон, - вос-питанный в новь, не меркнет глагол,
Сияет язык во славу Его, - Словущему – слыть.
И нам – воздыхать, предчувствуя жизнь в удушливом склепе.
В остылой груди щебечет сонет немолчный щегол.

+ + +

XV

Листья – кусочки смальты, - сплошь по земле с тех пор,
Как расточила отсвет горнего блика осень.
Храм обезличен, жалок, выветрен и несносен.
Небо на цепких сучьях – пропастью без опор.
Вымышлены надежды... выхолощен узор.
Чёткий рисунок смерти вечнозелёных сосен.
Гибели приобщившись, милости как испросим...
И не взойдёт на память тайное «мутабор».

Где ты, исконный образ, где изначальный вид.
Не пробудить сонетом славу былых мозаик,
Песню затёртых фресок... нерукотворный ритм.
Мерно венки сплетаю... этот, который свит, -
Им ли проплешь венчая, взор возвести дерзаю...
Луч – из кромешной тучи радостью озарит.

+ + +

XVI

Вникну в преступную близь полыхающих крон.
Цвет пре-творяется здесь в чудодейственный запах
И, огуцаясь туманом на ветвях и лапах,
Пре-существляется в память истекших времён.
Так – исполняется временем вечный закон:
Жизнь постепенна, - рождение и смерть – на ухабах.
Факелы клёнов сгорают в обычных масштабах.
На пепелище листвы ни следов, ни имён.

Сучья рисуют в позёме сонетную вязь, -
Под фонарём на асфальте случайные тени.
Не подчиняется новому веденью слог.
Брызжу стихами, над смертушкой воз-веселясь,
Распознавая на лужах обличья растений... -
Им оправданья пропел, но утешить не смог.

+ + +

XVII

Последний день всещедрой красоты...
Прогноз немилосерден, как вердикт, -
Неправеден, безрадостен, сердит.
И – дождь – на рукописные листы.
И – ветер, потерявший срам и стыд –
На этот благолепно-дивный вид,
Когда октябрь по золоту кровит,
В небытие слетая с высоты.

Ступаю по порфириковым коврам,
По смальте, отошедшей от небес,
По лазуристам распростёртых луж...
Как бы в исходе ибсеновых драм,
Обезображен безнадежный лес...
Тачаю в нём сонет... беспутный муж.

+ + +

XVIII

Повален шатёр... могуч и свиреп неистовый шквал, -
Погибельный вихрь сечёт по глазам пугливого люда.
На дивный покой роскошных деревьев – извне, ниоткуда –
Безумный ноябрь – попущенный бич, - разит наповал.
Небесная твердь расколота вдрызг. Молитвы кимвал
Прохладен, фальшив, истощен, кичлив... от страха и студа.
Отъята краса от вялых ветвей, не чаявших чуда.
Обветренный клён повинной главой к пощаде взывал.

Ликующий вихрь – возвёл от земли последний восторг.
И снова листва – парит, как любовь, легка и прекрасна, -
Любуется ей внимательный блик, улыбочивый свет.
На западе дней себя обрацу на ясный восток –
Тускнеющий цвет иссякнув - исчез уже ли напрасно.
Не канет на дно безвидной глуши осенний сонет.

+ + +

XIX

Редкие листья – как рыбы в сети надо мной –
Живо-трепещут уловом гниющего золота.
Это сусаль от небесного свода отколота.
Цвет обращается в тлен, тишину, перегной.
Так ли, нечаянно, мир проступает иной, -
Из-под ударов осеннего грузного молота
Сыпались искры... От завязи жизни прополота,
Вьётся межа, - затеряется стёжкой ночной.

Стих ли – восполнит увядшую zde красоту,
Павшие листья помянет по ликам, по имени,
В эту печаль призывая надежду и свет.
Слово – вникает в погибель... я – строфы плету,
Не чудотворствуя в них, обнадёженный ими ли –
Пред ноябрём возроптав, сочиняю сонет.

+ + +

XX

Ковёр самоцветный – расстелен под небом больным, -
Взгляни на него – он зардеется сказкой восточной.
Рисунок застывший в гармонии чистой, барочной, -
Повержена слава листвы в назиданье иным...
Душа, отделяясь, восходит над бреньем цветным, -
Воспримешь ли ты этот запах под сказкой подстрочной.
Так пахнет порфир, исчезающий рифмой неточной...
Так золото чахнет, рыдая над полем парным.

Ужель отходящая жизнь воплотится в слова,
Сгустится туманом, клубящимся в сонной долине,
Вместится в назойливый ритм неостылых сердец...
Оплачет свою красоту моя Русь, как вдова,
Святая - святых... - уневещена Слову отныне.
Ужели – сонетом её приголубит Отец.

+ + +

XXI

Кончена битва, победных венцов – лишена,
Скомкана павшая рать безымянным курганом.
Тлеют останки сражённых в огне ураганном.
Тризна исполнена в срок, но уже ли нужна.
Так разливается в ширь, в глубину – тишина.
Вдруг - не шевелятся ветви в спокойствии странном.
Здесь – красота от-даляется звуком органным,
Неуловимая, с плотью рассталась она.

Что? – наполняет собою робеющий слог.
Это ли – дух, отошедший от скорбного луга.
Это ли – цвет, покидавший темнеющий лист.
Чувствую радость, которой утешиться мог:
Так, расставаясь навеки, - возлюбим друг друга.
Пусть этот путь в ноябре безнадежно кремнист.

+ + +

XXII

Златоструем тонкий луч ложится –
Призванная робко милость к падшим, -
Словно взор небес, к погостам нашим -
Утешая, хочет воплотиться.
Блик на луже – Таины на лжице
В пробужденье светочам увядшим,
Сонмищам, безвременно отпавшим, -
Кто их гнал... и патина – на лица.

Чуть заметный проблеск возрожденья –
В перегнутой слоёв былой культуры -
Отзовется призраком сонета,
Всенощного зимнего терпенья
Под покровом замершей текстуры
Предвозвещием большого Лета.

+ + +

XXIII

Се – тишина долгозванная – медленно давит виски.
Сушь. Ни мороза – ни слякоти. Здесь ли над міром пылало
Пышное зарево эпоса, - плакать о том не пристало
Из пустоты обступающей, из неоглядной тоски.
Будто герои троянские - были светлы, высоки
Кроны, сгоравшие заживо... их ли припомнишь устало.
Ступишь на лики опавшие и не смутишься нимало...
Прах попирая несмысленно – шагом шуршишь по-людски.

Вдруг, тишину проникающий, будто неслышимый – глас, -
Словом цветёт недосказанным, кличет живьём из-под спуда.
Неизъяснимо... немислимо: не умерла Красота, -
Тихой надеждою теплится, встретив испуганных нас.
Камо грядеши, Утешитель? Нынче – куда и откуда?
Вспять по тропинке обыденной – вникнуть в объяття Креста.

+ + +

XXV

И только снег окрест, позёмкой разметая, -
Развеет боль и страх над полем рати павшей.
А ныне хлябь и мразь над Родиной, познавшей
Какое имя ей, коль боле не Святая...
И шквал неистошим, а цепких клочьев стая -
Над немощью земной, над зяблой плотью нашей,
Затерянной во лжи, безвременно завядшей...
Где теплится зерно, как будто, прорастая.

Как мёртвая вода потоки мутной склизи.
В набухший перегной уже срастилось бренье
Приукрывывшее несчастья твердыни.
Иссякнув, жду весны у распростёртой выси.
Вмещает выдох мой фиал стихотворенья...
Затеплился сонет безвременной пустыни.

+ + +

XXVI

Иссяк ноябрь – губитель душ, источник зол...
Таков – покой в глуши земной, в пучине сна.
Широк шеол, как зимний тракт, - и не видна,
И не нужна твоя стезя... куда б ни шёл.
Всё нет пути – вагонный ритм в груди – тяжёл.
Ужель – итог и в нём – бледна – одна вина.
Проходишь ночь, где лунный свет и белизна,
Вкусив чернил, рождали ложь, как произвол.

По насту скрип... щелчок пера – и кляксы смерть.
Но, утаив, упрятав дар живущих слов,
У тишины не сходишь с рук, - пощады нет... -
Как пренебречь, как отвратить... как не посметь, -
В тугую сеть, в чудной сосуд вместив улов, -
Износишь в высь молитвы миг – простой сонет.

+ + +

XXVII

Что? – прежде было красотой, -
Когда-то пышная листва,
Изобличенье волшебства
Над захудалою верстой, -
Лишь нищетою и тщетой,
Утратив свойства естества,
Под спудом теплится едва...
Упрятан тлен в сугроб густой.

Не в туне: чудо – из чудес,
Птенцом в яйце – живой росток –
Восходит в силу, ищет свет,
Желает искренних небес, –
Возводит сердце на Восток,
Ломая лёд... цветёт – сонет.

+ + +

XXIX

Топкий омут беды – потаён подо льдом.
Припорошенный страх, где ни мысли, ни воли.
Неоглядная ширь... иссякание боли.
Раскорчёван Эдем... заморожен Содом.
Колокольчиказвон, - им послушно ведом
Преубогий обоз по пространству юдоли.
И ни тройки, ни птиц на рас-Христанном поле.
В ожиданье гостей чисто выбелен дом.

Ничего не сулит отошедшая страсть.
Обескровленный дух не найдёт утешений.
Еле – теплится звук, - это ль истинный – свет,
Предваряющий пир, насыщение власть.
Внидет Слово - в тебя... кто Его совершенней.
Предвкушая – зову долгожданный сонет..

+ + +

XXX

На зяблом сердце – привкус тишины, -
Как знать, - ужели смертного забвенья.
Над миром – крыл пресветлых мановенья
И зовы стелятся, едва слышны, -
Позёмкой невозможной белизны
Над прелестью прекрасного мгновенья,
Над робкой тварью, как стихотворенье,
Как инобытие на наши сны.

С души – отвален ледяной валун.
Вникает Слово в ёмкую утробу,
Где средостения дыханью нет.
Просторным звуком зыблющихся струн,
Не обратясь к оставленному гробу, -
Восходит воскресающий сонет.

2019